

Чжун Гуаньбай лениво повернул голову. Рядом стоял высокий мужчина в серебряной маске, закрывавшей большую часть его лица. Видны были только очертания губ и подбородка. Похоже, он был азиатом.

Чжун Гуаньбай усмехнулся и спросил на ломаном французском:

— Для меня?

Мужчина кивнул.

Чжун Гуаньбай положил два пальца на край стакана, но его глаза поднялись вверх, чтобы взглянуть на мужчину.

— Тогда я приглашаю тебя на танец?

Сказав это, он протянул руку.

Но мужчина не подал свою руку, а, как и Чжун Гуаньбай, протянул свою, слегка наклонившись в приглашающем жесте.

Похоже, он был активным.

И, судя по всему, пришедшим из прошлых веков.

Чжун Гуаньбай засмеялся, допил воду, предложенную мужчиной, облизал губы и затем положил свою руку в его ладонь. Как только тот взял его руку, Чжун Гуаньбай повёл его к группе в баре.

— Эй, братан, — сказал он клавишнику. — Есть вальс?

Клавишник удивился — впервые кто-то заказывал вальс в их баре:

— Какой?

Чжун Гуаньбай правой рукой держал незнакомца, а левой рукой пробежался по клавишам, легко извлекая мелодию из «Страницы из альбома вальсов» Листа.

Играя, Чжун Гуаньбай почувствовал, как мужчина сжимает его руку сильнее. Он поднял голову и увидел, что взгляд мужчины пылал — в нём было что-то особенное. Он улыбнулся ему и продолжил играть левой рукой, создавая впечатляющие пассажи.

Мелодия была несложной. Он играл только основную тему одной рукой, и клавишник сразу

понял. Тот приложил руку ко лбу, отдавая дань уважения Чжун Гуаньбаю, и начал полную версию вальса.

Это был не гей-бар, и мужчина в чёрной маске с перьями и мужчина в серебряной маске, стоявшие в центре танцпола, привлекали внимание. Кто-то сразу же засвистел.

Чжун Гуаньбай слегка запрокинул голову и сказал мужчине в серебряной маске:

— Кто ведёт?

Мужчина не ответил, просто положил руку на поясницу Чжун Гуаньбая, но не прикоснулся, а лишь держал ладонь на расстоянии, проявляя чрезмерную сдержанность.

Чжун Гуаньбай был удивлён такой старомодности:

— Эй, это не танец.

Он смело положил руку мужчины себе на талию. Когда та коснулась его тела, Чжун Гуаньбай почувствовал, как дыхание мужчины стало тяжелее.

Чжун Гуаньбай вспомнил, как смотрел на свой живот в зеркале перед выходом, и остался доволен — потраченное в спортзале время не прошло даром.

Под прекрасную мелодию вальса мужчина кружил Чжун Гуаньбая по танцполу.

Он был чрезвычайно внимательным и нежным партнёром. Слегка наклонившись, он смотрел на лицо Чжун Гуаньбая, позволяя тому полностью опереться на него.

Чжун Гуаньбай был близко к мужчине. Он наклонил голову и почувствовал лёгкий, чистый запах от его воротника и уха — тот совершенно не вписывался в атмосферу бара.

Так же, как и стакан воды, который мужчина ему предложил: чистый и особенный.

Он давно не встречал таких людей.

Чжун Гуаньбай легонько провёл рукой по спине мужчины, чувствуя, как его позвоночник напрягся.

— Пойдём со мной, — сказал Чжун Гуаньбай.

Он взял мужчину за руку и повёл его через танцующих, через толпу зрителей.

Через шум разговоров.

Через вальс, звучавший в ушах.

Весь шум остался позади.

Парижское небо было усыпано звёздами.

Луна отражалась в Сене, создавая мерцающие блики.

Серебряная маска блестела в лунном свете, но не могла скрыть мягкий взгляд мужчины. Он смотрел на Чжун Гуаньбай спокойно и умиротворённо.

Чжун Гуаньбай тихо напел мелодию «Moon River».

...Wherever you're going, I'm going your way.

Он напевал и протягивал длинные пальцы к небу.

Пальцы двигались в воздухе, словно играя на небесном фортепиано.

Почти как сумасшедший.

Мужчина молча наблюдал за его действиями.

— Почему ты молчишь? — Чжун Гуаньбай повернулся и спросил по-французски.

Мужчина смотрел на него, не говоря ни слова.

Опьянение от алкоголя, романтическая ночь под луной — всё это подталкивало к безумным поступкам.

Чжун Гуаньбай уставился на серебряную маску мужчины и вдруг засмеялся.

— Ладно, — сказал он по-китайски. — Тогда ты точно не поймёшь, что я говорю.

Мужчина всё ещё молчал.

Чжун Гуаньбай продолжил по-китайски:

— Знаешь, в Китае есть фильм про Восточного Непобедимого. Ну, ты, наверное, не знаешь, кто это... Лин Хучун однажды сидел на крыше с Восточным Непобедимым, и тот тоже молчал. Лин Хучун подумал, что он японка, и сказал: «Возможно, ты никогда не узнаешь, что я говорю, и у нас никогда не будет вражды. Если бы все были такими, нам бы не пришлось покидать мир боевых искусств».

Он произносил строки из фильма, медленно поднимая руку, чтобы снять серебряную маску.

Мужчина отступил на шаг назад.

Чжун Гуаньбай покачал головой и снова сказал по-китайски:

— Ладно. Ты не знаешь, как я выгляжу, и я не знаю, как ты выглядишь. Значит, у нас никогда не будет вражды. Наверное, после этой ночи... у нас не будет ненужных привязанностей.

— Знаешь, в том фильме есть стихотворение, которое мне очень нравится.

*

«Великие дела рождаются из нашего поколения,

Как годы разрушают мир боевых искусств.

В разговорах об империях и славе

Нет ничего лучше, чем однажды напиться».

*

Чжун Гуаньбай купил две бутылки вина, одну протянул мужчине. Тот взял, и Чжун Гуаньбай добавил:

— Хотя ты не понимаешь, но...

— За нашу незнакомость, выпьем.

Чжун Гуаньбай выпил всю бутылку залпом. Мужчина попытался последовать его примеру, но, сделав первый глоток, чуть не поперхнулся.

Чжун Гуаньбай, ещё более пьяный, похлопал его по спине и сказал по-французски:

— О, дорогой, ты не умеешь пить? Вот так...

Он взял бутылку мужчины, сделал глоток, запрокинул голову и поцеловал его.

В момент, когда их губы соприкоснулись, зрачки мужчины резко сузились.

Когда поцелуй закончился, Чжун Гуаньбай облизал его слегка опухшие губы, наслаждаясь моментом.

— Дорогой, хотя ты не умеешь говорить, пить и целоваться, и ты не понимаешь стихи, которые я читаю, но, кажется, ты мне немного нравишься.

Чжун Гуаньбай, пьяный, смотрел на мужчину и тихо спросил на ломаном французском:

— Ты когда-нибудь гулял по Сене? Ты знаешь, сколько мостов на Сене? Давай посчитаем вместе?

Мужчина глубоко посмотрел на Чжун Гуаньбая и кивнул.

Прохладный ветерок, лунный свет, струящийся как вода.

Чжун Гуаньбай одной рукой держал мужчину, а другой «играл» в воздухе неизвестную мелодию.

Проходя каждый мост, он пел «Moon River».

Moon river, wider than a mile...

Он смотрел в глаза мужчине и тихо пел:

I'm crossing you in style someday.

Пропев эту строку, он сказал:

— Someday is today.

Когда-нибудь я встречу тебя с изяществом.

И этот день — сегодня.

Мужчина крепче сжал его руку.

Когда они прошли десятый мост, мужчина остановился.

Чжун Гуаньбай, чувствуя, как алкоголь начинает действовать, прислонился к нему и спросил:

— Ты устал?

Мужчина не удержался и провёл рукой по его щеке, но, едва коснувшись горячей кожи, сдержанно убрал её.

Он посмотрел на Чжун Гуаньбая некоторое время, затем достал из кармана прозрачный куб.

В лунном свете внутри куба парил рояль с табуретом, словно настоящий.

Восемьдесят восемь чёрно-белых клавиш, струны внутри корпуса, педали внизу — всё было невероятно детализировано.

Мужчина положил куб на ладонь и протянул Чжун Гуаньбаю.

Тот взял его. Одной рукой он держал куб, а пальцами другой водил над ним, словно играя на пианино. Он наклонил голову и, пьяный, сказал:

— На самом деле, я пианист.

На губах мужчины появилась лёгкая улыбка.

<http://bllate.org/book/15543/1382850>